

Альтернатива истине: **СМЫСЛ** или правдоподобие?

А.П.ОГУРЦОВ

Мне импонирует общая направленность статьи Л.А. Марковой – ее критика и неприятие понятия «истина». В этом отношении ее тезисы я считаю верными и ухватывающими общую линию развития науки, и тем более - историко-научных исследований. К сожалению, понятие «смысл», к которому она обращается, осталось нерасшифрованным: ему посвящено буквально три строчки в конце тезисов. Поэтому, по моему, необходимо все же раскрыть суть понятия «смысл» для того, чтобы пафос статьи не оставался бы нерасшифрованным.

Вот несколько аргументов в поддержку тезисов Л.А. Марковой:

1. Существуют многообразные концепции истины: корреспондентская, когерентная, прагматическая и, наконец, дефляционистская. Тезисы Л.А. Марковой принадлежат скорее к дефляционистской концепции истины, полагающей избыточность понятия «истина» для логико-гносеологического анализа научного знания. Поворот к понятию «смысл» в качестве решающего означает все же сохранение корреспондентского понимания отношения знания к референту, хотя этот референт трактуется, начиная с семантической концепции истины А. Тарского, как соотношение метаязыка и «вещного языка». Иными словами, казалось бы, Тарский возвращает нас к аристотелевскому пониманию истины, но это не совсем так, поскольку речь идет о соотношении двух языков – метаязыка и «вещного языка» (Dingsprache), т.е. истина квалифицируется через выяснение отношений между двумя уровнями языка.

2. Поворот к смыслу вместо истины означает вместе с тем и акцент на процедуре понимания (Verstehen) того, что кажется на первых порах абсурдным, упорядочивание того, что кажется на-

рушающим общепринятое, на основании определенного ряда правил и принципов (например, симметрии). Такого рода поворот произошел в квантовой физике (Г. Вейль, В. Гейзенберг). Короче говоря, поворот к понятию «смысл» тождествен повороту к фундаментальной роли процедуры понимания как в естествознании, так и в гуманитарных науках. Причем сама эта процедура понимания должна мыслиться в семантической размерности, т.е. обращенной к выявлению смысла и значения. Между тем, в настоящее время существуют концепции, настаивающие на иллюзорности значения, и громадная полемика с такого рода концепциями, основу которым положил С. Крипке (См. об этом книгу В.А. Ладов. Иллюзия значения. Томск. 2008).

3. Следовало бы провести различие между смыслом и значением. Это позволило бы включить в анализ концепции внешней и внутренней формы слова (от В. Гумбольдта до Г.Г. Шпета), концепцию «порождающей грамматики» (Н. Хомский), этимологические поиски философских понятий М. Хайдеггера.

Соглашаясь с тем, что понятие «смысл» нейтрально относительно истины и лжи, думаю, что ситуация в современной науке весьма специфична – мы имеем многообразие теорий (например, в космологии, в эволюционной биологии), которые построены на минимальном и нередко на одном и том же эмпирическом базисе и которые полемизируют друг с другом за право на существование. Можно сказать, что конкурирующие научные теории существуют как бы в невесомости (относительно эмпирико-экспериментальных данных), и фундаментальную роль в их признании научным сообществом играют сугубо методологические принципы (прежде всего принцип простоты, эффективность языка математики). Сошлюсь на статьи А.Н. Павленко об этой ситуации в современной космологии.

Соглашусь и с тем, что классическая наука стремилась элиминировать из своего самопонимания и акты творчества, и ходы мысли, приведшие к тому или иному результату. Об этом писал Ф. Клейн в «Истории математики в 19 веке», отмечая, что классическая математика стремилась построить изложение той или иной теории аксиоматико-дедуктивным образом, исключив из этого изложения и ходы мысли как верные, так и ложные, и все характеристики познавательного процесса. Основная цель познавательного процесса – представить замкнутые теоретические системы, убрав из описания теории все «строительные леса». Думаю, что ситуация кардинально изменилась уже в первой четверти 20 века, благодаря отцам-основателям квантовой физики.

Поворот к смыслу как решающей характеристике научного знания тождествен ограниченению анализа научного знания язы-

ком (метаязыком и «вещным языком») и его значениями. Поворот к понятию «смысл» тянет за собой и такое понятие, как «бессмыслица», «абсурд» в его различных обертонах (синтаксическом, грамматическом, диалогическом и пр.). Думаю, что определение понятия «смысл» еще далеко от своей однозначности, а включение его в теорию науки (оправданное и необходимое) тянет за собой ряд трудно разрешимых проблем.

Я хотел бы обратить внимание на культурно-историческую обусловленность понимания «истины», о которой хорошо писал П.А. Флоренский в книге «Столп и утверждение истины». В его интерпретации русское слово «истина» коренится в слове «есть» и закрепляет в себе понятие абсолютной реальности, пребывающего существования. Греческое слово «алетейя» означает «незабвенность», нечто нетекущее, способное пребывать в потоке забвения, преодолевающее время. Латинское слово «Veritas» принадлежит области права, означая настоящее положение разбираемого дела, т.е. имеет религиозно-юридическое значение. В древнееврейском языке истина означает «верное слово», «верность», «надежное обещание» и относится преимущественно к божественному содержанию истины (См. П.А. Флоренский. Столп и утверждение истины. Т. 1. М., 1990. С. 15–22). Конечно, можно оспаривать те или иные этимологические изыскания П.А. Флоренского (например, греческой «алетейя»), но вряд ли можно оспаривать его исходный тезис – культурно-историческую и лингвистическую обусловленность трактовки истины в разных культурах и языках. Нововременная наука по-разному трактовала истину: так, альтернативность романтической и позитивистской философии и науки коренится в том числе в альтернативном понимании истины – либо как религиозного откровения, либо как когерентности предложений теории как системно организованной целостности.

Несколько слов о моей позиции относительно понятия «ИСТИНА»

Понятие «истина» имеет сугубо религиозное происхождение и связано с эпифанией богов в античной мифологии и теологии. Ее перенос в теорию знания связан с именами Сократа и Платона, с их борьбой с софистами и с их различением знания и мнения, эпистемы и доксы. Более 2 тысяч лет философия «крутится» вокруг этого различения, хотя и развернула целый ряд концепций, не укладывающихся в эту схему.

Аристотель, сохранив это различие эпистемы и доксы, рас-
пределил их по разным «отсекам» – истина является критерием
всеобщего, необходимого и доказательного знания (прежде всего
математики), а вероятностное правдоподобие является критерием
мнения, которое функционирует в сфере принятия судебных ре-
шений, в речах в народном собрании и пр. Иными словами, как
показал Х. Перельман, Аристотель провел различие между ло-
гикой строгого, доказательного, всеобщего и необходимого зна-
ния и логикой аргументации, или топики, имеющей дело с рито-
рикой и с диалектикой. В логике аргументации мы имеем дело не
с истиной, а с правдоподобием речей и аргументов.

Существенный поворот к включению идей вероятности
и правдоподобия в теорию познания произошел в Новое время
(Д. Юм, Лейбниц). Он связан с развитием теории вероятности и с
необходимостью осмыслить логико-гносеологические следствия
из этого развития.

**Вместо понятия «истина» теорию науки можно построить
на основе понятия «правдоподобность» научных теорий.**
Можно найти количественные индикаторы измерения их правдо-
подобности. Такого рода поворот в теории науки осуществил
К. Поппер. Поворот к вероятности и к правдоподобности научных
теорий находит свое выражение в многообразных приложениях
теории вероятности – статистической физике, в теории ошибок,
в приближительных вычислениях и т.д. Правда, теория вероятно-
сти получила после работ А.Н. Колмогорова аксиоматико-дедук-
тивную форму, став собственно математической теорией. Здесь
возникает ряд вопросов, ответы на которые мне пока не ясны, на-
пример: как связать современную теорию вероятности с абстракт-
ной теорией меры, например, Лебега, если учесть, что существуют
две концепции вероятности – объективная (частотная) и субъек-
тивная?

Идея правдоподобности научных теорий предполагает допу-
щение их изначальной ошибочности (принцип фаллибилизма
К. Поппера), что весьма существенно для историко-научных ре-
конструкций.

Отказ от идеи истины позволяет избавиться как от квазитеоло-
гических допущений в теории науки – от допущения «абсолютной
истины» и ее единственности (независимо от того, трактуется ли
она как недостижимый трансцендентальный идеал или как что-то
вполне достижимое), так и от релятивизма, настаивая на том, что
любая рациональная научная теория содержит в себе ошибочные
моменты, объясняемые социально-историческим, культурным и
биографическим контекстом. Поиск единственно «истинной» тео-
рии, составлявший одну из особенностей классической науки, на-

страивал историка науки на демонстрацию принципиальной ошибочности прежних теорий, остановившихся перед единственно верной теорией, на выстраивание линейного дискурсивного движения научных поисков к единственной теории, обнимающей собой все и вся, в том числе и все прежние теории как абстрактные, односторонние, «снимающиеся» в конкретно-развитой теории. Такова, например, позиция не только Гегеля, но и К. Маркса в его «Теориях прибавочной стоимости». Вся последовательность научных теорий мыслится как прямое восхождение к одной-единственной теории – к той, которая развита Гегелем или Марксом. И дело здесь не в амбициях этих авторов (хотя они, безусловно, присутствуют), а в квазитеологических допущениях, из которых они явно или неявно исходили. Этому способствовали и те «органицистские метафоры», которые они использовали, прежде всего метафоры «метаморфоз духа» и «метаморфоз стоимости».

Поворот к популяционистским метафорам вместо органицистских, к идее правдоподобности научных теорий вместо понятия «истина» избавит философию науки и историко-научные реконструкции от неоправданных отождествлений и допущений, от идеологических иллюзий и теоретических амбиций, позволив сделать методологическое оснащение историков науки более строгим, корректным и подвластным математическим измерениям. Такого рода подход позволит избавиться от неявного допущения историко-научных реконструкций о том, что история науки – это современная научная теория, опрокинутая в прошлое. Такое допущение разрушает любую историко-научную работу.